

Н. Евреинов

История телесных наказаний в России

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 34
ББК 67
Н11

Н11 **Н. Евреинов**
История телесных наказаний в России / Н. Евреинов – М.: Книга по Требова-
нию, 2015. – 255 с.

ISBN 978-5-458-77610-3

Репринтное издание книги Н.Евреинова "История телесных наказаний в России". Полностью сохранен язык оригинала. В книге рассмотрены различные виды телесных наказаний, применявшихся со времен Киевской Руси до конца XIX столетия. Книга состоит из двух разделов: 1-Телесные наказания в русском праве, 2-Административные телесные наказания.

ISBN 978-5-458-77610-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

которой, изгладимые порой на тѣлѣ, никогда неизгладимы въ душѣ. Вся жизнь народа проходила подъ вѣчнымъ страхомъ истязанія: пороли родители дома, поролъ учитель въ школѣ, поролъ помѣщикъ на конюшнѣ, пороли хозяева ремесла, пороли офицеры, становые, волостные судьи, казаки,—чуть не всѣ, кто приходилъ въ соприкосновеніе съ почти безправнымъ крестьяниномъ. Не было мѣстности, «гдѣ-бы—выражаясь словами поэта—русскій мужикъ не стоналъ». И, конечно, эти стоны не могутъ пройти безслѣдно въ исторіи русскаго народа;—я не говорю о частѣ возмездія, я говорю лишь о складѣ души потомства тѣхъ битыхъ массъ, за которыя, согласно иронической пословицѣ, «двухъ небитыхъ дають», говорю о тѣхъ, въ чьихъ жилахъ до сихъ поръ течетъ кровь озвѣрѣвшихъ, униженныхъ, кровь притупѣвшихъ отъ долгаго позора, кровь пугливыхъ не столько предъ муками совѣсти, сколько предъ мукой физической.

Не прошли безслѣдно тѣлесныя наказанія, вѣрнѣе право ихъ при-мѣненія (притомъ большей частью безконтрольное), и для потомковъ налагавшихъ ихъ по своему усмотрѣнію въ интересахъ «науки», «добродравія», «службы» или просто ради поучительнаго развлечения. Кто изъ насъ не встрѣчалъ добродушныхъ на видъ стариковъ, почтенныхъ служаекъ, генераловъ, неглупыхъ помѣщиковъ, чиновниковъ или чиновницъ, которые частенько, при всякомъ подходящемъ случаѣ, любили нравоучительно вздыхать: «эхъ не порютъ нынче», «вотъ въ наше время сѣкли, но зато и люди были», «ну какъ такого не высѣчь», «драть надо» и т. д. Я уже не говорю про стариковъ сомнительной репутаціи, про старыхъ бурбоновъ или просто выжившихъ изъ ума!—Такіе готовы проклинать все новое на свѣтѣ только потому, что больше «шкуру» никому не спускають», «розги не обламываютъ объ мерзавцевъ», а «слѣдовадо-бъ, какъ раньше, разложить хорошенько, спустить штаны или задрать подолъ, да по мягкимъ частямъ съ разстановочкой» и пр. Старые селадоны особенно любятъ затрагивать тему о розгахъ въ присутствіи дамъ, конфузящихся при одномъ напоминаніи о неприличной процедурѣ порки и вдобавокъ кокетливо «пугающихся». Хотя справедливость требуетъ сказать, что юное поколѣіе большей частью слабо или невѣрно представляетъ себѣ картину былого «наказанія на тѣлѣ» и старческое шамканье, да еще апологетическаго характера, о розгахъ не производитъ того отталкивающаго впечатлѣнія, какое должно-бы производить. А между тѣмъ совсѣмъ недавно они могли сами стать свидѣтелями такого, напр., обычно—безобразнаго процесса, какъ наказанія, скажемъ провинившейся дворовой. Романтика, Ричардсонъ, «Бѣдная Лиза», музыка Моцарта, головки Греза и прочія нѣжности были сами по себѣ, а удовольствіе возмездія за плохо выглаженную косынку—само по себѣ; и пагуба узаконеннаго обычая нисколько не

являла странности и невозможности перехода от трогательной романтики Ричардсона к реалистически грубой картинѣ расправы съ негодницей Палашкой, от сладкихъ словъ «Бѣдной Лизы» къ пронзительнымъ причитаніямъ наказываемой — «ой барыня, больше не буду», от нѣжной музыки Моцарта къ оглушительному крику боли и стыда, от поэтичныхъ головокъ Греча къ исполосованнымъ «формамъ Палашки», которую въ угоду барыни одинъ конюхъ держитъ крѣпко за ноги, а другой хлещетъ со всего маху по обнаженнымъ «филейнымъ частямъ» (какъ приказывала одна помѣщица своему управляющему). Кто знаетъ, быть можетъ полъ-сотни лѣтъ тому назадъ, имъ-бы даже понравилось положеніе повелительницы, провѣряющей поркой изъ личнаго каприза реальность своего господства, подобно той милой актрисѣ изъ «Монго» Лермонтова, которую въ юности директоръ театральной школы за кокетничанье съ офицерами «поролъ на убой», а потомъ судьба такъ возвеличила, что она уже сама стала властительницей надъ «филейными частями» своихъ ближнихъ.

«Теперь со мной плохія шутки» — хвастается актриса.

«Меня сударыней зовутъ

«И за меня *три раза въ сутки*

«Каналью повара *дерутъ*».

Возможность тѣлесно наказывать превращалась на Руси перѣдко въ настоящую страсть, кт. истязанію, страсть, находящую себѣ полное объясненіе лишь въ планомѣрной исторіи развитія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. Эта страсть въ своей заразительности доходила до того, что передъ самой отмѣной крѣпостного права въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ напр. въ Херсонской, было, по воспоминаніямъ Скальковского, «поголовное увлеченіе» розгами, причемъ поролѣ на трубку, на двѣ трубки и т. д. (т. е. сѣченіе должно было продолжаться, пока помѣщикъ выкуритъ опредѣленную дозу табаку).

Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи дастъ ключъ къ пониманію такихъ типовъ, какія напр. правдиво выведены А. Чеховымъ въ его разсказахъ: «Трифонъ», «За яблочки» и др. Особенно жутокъ и предостерегающе—показателенъ первый изъ разсказовъ. «Его-бы наказать, чтобъ всю жизнь помнилъ»,—говоритъ нѣкій розголюбъ Щегловъ, ревнующій Трифона къ своей сожительницѣ. — «Выпороть-бы, какъ прежде. Разложить на конюшнѣ и этакъ... въ десять рукъ, сѣмо и овамо... Ты его порешь, а онъ проситъ и молить, а ты стоишь около и только руки потираешь: «такъ его! Шибче! Шибче!» Ее (т. е. сожительницу Щеглова) около поставить и смотрѣть, какъ у ней на лицѣ:—ну, что, матушка? Ааа... то-то! Разсказъ кончается тѣмъ, что растравившій свое вообра-

женье поркой Трифона Щегловъ не выдерживаетъ искушенія и угориваетъ Трифона: «Трифонъ!... Триша! Я тебѣ одно только слово скажу.... Прошу и умоляю тебя, подлеца, на старости лѣтъ! Голубчикъ!»—«Ну?»—«Видишь ли.... Я тебѣ четвертную дамъ и даже, ежели пожелаешь, жалованья прибавлю.... Тридцать рублей дамъ, а ты.... дай я тебя выпорю! Разикъ! Разикъ выпорю—и больше ничего!»....

Отмѣна тѣлесныхъ наказаній не ознаменовала, конечно, отмѣну привычки и страсти къ ручнымъ расправамъ; исторія-же этихъ наказаній раскрываетъ во всей полнотѣ тотъ возмутительный духъ, разъ воспитавшись въ которомъ, народъ не смогъ потомъ освободиться отъ гнета развращенныхъ чувствъ такъ-же мгновенно, какъ былъ подписантъ актъ объ отмѣнѣ причинъ этого развращенія. Пробѣгая мрачныя страницы исторіи тѣлесныхъ наказаній, мы убѣждаемся съ каждой строкой все больше и больше, что изъ бздны не выкарабкиваются сразу и что переходъ отъ тьмы къ свѣту невозможенъ безъ промежутка ослѣпленія. Человѣкъ аккомодируется къ самымъ, казалось бы, ужаснымъ условіямъ существованія и лучшее ему часто не кажется такимъ только въ виду необходимости затраты новыхъ силъ для аккомодациі.—Исторія отмѣны тѣлесныхъ наказаній въ Россіи лучшее тому доказательство.

«Легко понять,—говоритъ М. А. Энгельгардтъ въ прекрасной книгѣ «Прогрессъ какъ эволюція жестокости»,—къ какимъ результатамъ должно было привести воспитаніе человѣчества въ духѣ безчеловѣчности. Тысячелѣтіями культивированная, разработанная, взлелѣянная жестокость, заразивъ въ большей или меньшей степени всѣхъ культурныхъ людей, должна была достигать исключительнаго развитія у отдѣльныхъ лицъ. Такимъ образомъ создались цѣлыя разряды людей, находившихъ свое удовольствіе и отраду, честь и славу, утѣху и развлеченіе въ истязаніи себѣ подобныхъ.... Хорошо вымуштрованный культурный человѣкъ направляетъ свою жестокость въ русло, намѣченное закономъ; если-же дрессировки не хватало, жестокость прокладывала собственный путь. Плацъ-майоръ или поручикъ Жеребятниковъ, истязатели арестантовъ, изображенные въ «Запискахъ изъ Мертваго дома» Достоевскаго, были почтенными и полезными членами своего общества, такъ же, какъ и Шешковскіе и ген. Измайловы, Аракчеевы и Шварцы, Малюты Скуратовы.... А рядомъ съ ними существовалъ контингентъ такихъ-же мучителей... но почему-либо проявлявшихъ свое звѣрство въ формѣ, не допускавшейся обществомъ. Тѣ и другіе—лишь крайнее проявленіе, наиболѣе зрѣлый продуктъ началъ, развившихся вѣками. Конечно, такой фондъ жестокости не можетъ исчезнуть быстро. Съ прошлаго столѣтія начинаются реформы въ разныхъ сферахъ быта, стремящіяся вывести изъ обихода мучительство и отнять почву у истязателей.... Масса удовольствій.... издавна опѣненныхъ и

просмакованныхъ культурнымъ человѣчествомъ,—вычеркнута изъ обихода, изъята изъ обращенія. Нечего дѣлать, надо покориться! Дрессировка, тоже вошедшая въ плоть и кровь культурнаго человѣка, является на помощь: онъ отказывается отъ насилія, *замѣняетъ его суррогатомъ, пытками моральнаго свойства*... Можно отмѣнить рабство, пытки, порки и проч., но какъ вы отмѣните свирѣпость, развивавшуюся въѣдами подѣ влияніемъ рабства, пытокъ, порокъ?...

Мы до сихъ поръ сохранили въ нашемъ языкѣ выраженія, значеніе которыхъ точно извѣстно лишь знакомому съ исторіей тѣлесныхъ наказаній; напр., даже въ официальномъ слогѣ непрестанно употребляются слова «подлинный», «подлинность» («подлинная правда», «подлинный документъ»), смыслъ которыхъ означать нѣчто добытое подѣ ударами ливъковъ, т. е. канатовъ съ узлами; мы говоримъ: «узнать всю подноготную», не отдавая себѣ отчета, что выраженіе подноготной правды совсѣмъ не означаетъ послѣднюю грязь, накопившуюся подѣ ногтями, а ведетъ свое начало отъ пытки иглами, запускавшими подѣ ногти рукъ и ногъ обвиняемаго и причинявшими такую невыносимую боль, что пытаемый ими выбалтывалъ самое сокровенное; приглашая сѣсть кого-нибудь, мы иногда съ улыбкой заявляемъ, что «нѣтъ правды въ ногахъ», слабо сознавая или и вовсе не подозревая, что это трагическое замѣчаніе обязано своимъ происхожденіемъ вѣку Гироновщины, когда въ силу «Донмочнаго приказа» ставили на правѣть тысячи недоимщиковъ, въ числѣ которыхъ, по свидѣтельству современниковъ, и «лучшихъ людей», вовсе невиноватыхъ, которыхъ «каждый день, поставляя всѣхъ рядомъ разутыми ногами въ снѣгъ, били по щиколкамъ и пятамъ палками»; мы сохранили, напр., еще такое выраженіе, какъ «потянули къ Иисусу», забывъ уже окончательно глубокую иронию этихъ загадочныхъ словъ, пущенныхъ на самомъ дѣлѣ въ ходъ не въ библейскія времена, а въ просвѣщенный вѣкъ Екатерины II, когда ея «кнутофильныхъ дѣлъ мастеръ» Шешковский вызывалъ вольнодумцевъ въ секретную комнату, сплошь увѣшанную образами, и тамъ,—предавъ виновнаго въ руки служителей, вооруженныхъ розгами, съ воодушевленіемъ читалъ въ тактъ ударамъ акаѣистъ Иисусу Сладчайшему, и т. д. Достаточно сказать, что даже такое ходовое выраженіе, какъ напр. «отъ него ничего не добьешься» употребляется большей частью бессмысленно, потому что застѣночный деривативъ этихъ ужасныхъ словъ забыть не менѣе, чѣмъ значеніе словъ «дать встряску», «подтянуть» и врядъ-ли у кого при произнесеніи ихъ рисуется въ то-же время дыба, виска, оголенная спина съ ключьями мяса, палачи въ красныхъ рубахахъ и душераздирающіе крики жертвы, отъ которой судьи хотятъ *добиться* (въ буквальномъ смыслѣ) нужныхъ имъ признаній.

И если мы до сихъ поръ изъ нашего обиходнаго лексикона не можемъ изгнать слова и выраженья, утратившія свой смыслъ, а фигуральность которыхъ, отзывающаяся насильническими страданіями ближнихъ, не пристала, казалось-бы, языку наши, претендующей на просвѣщенный либерализмъ,—то сколь труднѣе ожидать освобожденія нашей души отъ плѣна тѣхъ жизненныхъ чувствъ, которыя, въ продолженіе болѣе восьми вѣковъ крѣпли въ дни казней, радостно отмѣчая силу своего бытія.

Наши предки воспитывались около плахъ и эшафотовъ, никогда они не собирались въ большемъ многолюдствѣ, чѣмъ въ дни торговыхъ казней или военныхъ экзекуцій, ихъ пѣсни, ихъ игры и забавы проникнуты потѣхой битья, «не бить» значило долгое время «не владѣть», «не учить», т. е. быть не тѣмъ, чѣмъ похвально быть, «Домострой», основанный на плетяхъ и сокрушеніи реберъ, вошелъ въ ихъ плоть и кровь,—и вотъ теперь, когда все это предано осужденію и уничтоженію, можно-ли повѣрить, что восьмивѣковой обычай, освященный въ свое время государствомъ, церковью, лучшими людьми, прошелъ безслѣдно для впечатлительныхъ душъ консервативнаго русскаго человѣка!—Исторія тѣлесныхъ наказаній послѣдняго времени, т. е. послѣ ихъ принципиальной отмѣны верховной властью, даетъ совершенно точный отвѣтъ,—отвѣтъ, заставляющій съ бѣльшимъ прилежаніемъ, чѣмъ до сихъ поръ, обратиться къ подробной исторіи нашихъ отечественныхъ каръ судебныхъ, административныхъ, военныхъ, тюремныхъ, семейныхъ и школьныхъ. Что если, несмотря ни на что, отмѣна тѣлесныхъ наказаній, въ конечномъ результатѣ, не порѣшенный фактъ, а все еще проблема?...

При этомъ вопросѣ умѣстно здѣсь-же привести стихотвореніе нѣкогдаго Вл. Точечкина, появившееся въ Искрѣ 1868 г. № 49, т. е. сейчасъ-же вслѣдъ за отмѣной тѣлесныхъ наказаній,—стихотвореніе, не столько блещущее поэзіей, сколько правдой.—Называется оно:

Куланъ.

Отъ размахистой натуры
Не сидится намъ:
Есть межъ нами самодуры
Съ страстью къ кулакамъ.
Всѣ они чинятъ расправу
Собственнымъ судомъ.

Кто пришелся не по нраву,
 Учатъ кулакомъ.
 Есть и барс и крестьяне,
 Что сложились такъ,
 Что у нихъ на первомъ планѣ
 Нашъ родной кулакъ.
 Съ кулакомъ нельзя не сжиться
 На Руси святой:
 Въ дѣтствѣ, лишь начнемъ учиться
 Грамотѣ родной,
 Педагогъ иной сердитый
 Намъ твердитъ уча:
 «Двухъ небитыхъ стоитъ битый»!
 Ну и бьетъ съ плеча.
 И въ младенчествѣ съ ученьемъ
 Сходимся мы такъ;
 Значитъ, ладить съ просвѣщеньемъ.
 Нашъ родной кулакъ.
 Вдругъ случится, что крестьяне
 Запнуть порой.
 Знать ладутъ объ этомъ въ станѣ.
 Ъдетъ становой.—
 По ему, прѣхавъ, скупю,
 Скучно толковать
 И поидеть собственноручно
 Онъ ихъ унимать.
 Съ беспорядками, съ нахальствомъ
 Кончить кос какъ...
 Значитъ, ладить и съ начальствомъ
 Нашъ родной кулакъ.
 Ссора милыхъ только шутка,
 Говорять у насъ,
 По на эту шутку жутко

И глядѣтъ подчасъ.
 Поговорку не напрасно
 Выдумалъ народъ,
 Что кого кто любитъ страстно,
 Тотъ того и бьетъ.
 И выходитъ, что, по мнѣнью
 Всѣхъ вступившихъ въ бракъ,
 Нѣжной страсти выраженье
 Нашъ родной кулакъ.
 Старичекъ твердитъ съ досадой,
 Что онъ слабъ и хилъ,
 Что дѣтей учить-бы надо,
 Да побить нѣтъ силъ.
 И старикъ, ворча въ постели,
 Доживаетъ вѣкъ...
 Такъ до гроба съ колыбели
 Добрый человѣкъ
 То другихъ бьетъ, то дерется,
 То его бьютъ, такъ,
 Что сроднится съ нимъ, сживется
 Нашъ родной кулакъ.

Давно-ли самый вопросъ о совершенной отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній поставленъ на очередь пытливыми умами западно-европейскихъ ученыхъ?—Лишь съ 1831 г., когда появилась извѣстная статья нѣмецкаго криминалиста Миттермайера, рѣшительно требовавшего отмѣны этихъ наказаній, какъ бесполезныхъ и несоотвѣтствующихъ строю конституціонныхъ государствъ. До этой статьи были, что называется, только «одни разговоры», бесплодные и мало убѣдительные. Да и статья Миттермайера въ концѣ концовъ не принесла никакого практическаго результата, такъ какъ борьба со зломъ была начата черезчуръ преждевременно. Но тутъ важна была «идея», важна была искорка, отъ которой должно было начаться настоящее ауто-да-фэ орудій позора и боли. И это ауто-да-фэ вскорѣ и началось, истребивъ многое, но еще не все....

Въ 1913 году просвѣщенная часть русскаго общества отмѣтитъ слѣдующія знаменательныя въ исторіи нашего законодательства числа: 17 апрѣля — день *пятидесятилѣтія* отмѣны тѣлесныхъ наказаній, 29 марта — день *двадцатилѣтія* отмѣны тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ женщинъ и 2 іюня — день десятилѣтія отмѣны исключительныхъ видовъ тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ, ссыльно-поселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ.

И тѣмъ не менѣе мы пишемъ исторію тѣлесныхъ наказаній въ Россіи *безъ послѣдней страницы*. Не говоря уже про тотъ грустный фактъ, что согласно нашимъ законамъ, розги остаются въ силѣ на каторгѣ (Государственная Дума 3-го созыва высказалась лишь за болѣшую осторожность ихъ примѣненія, а не за рѣшительную ихъ отмѣну), что при малѣйшемъ волненіи, представляющимся «народнымъ», возможны легальныя экзекуціи, свирѣпость которыхъ можетъ легко превзойти усмиренія 1906 года, — существуютъ (и это ни для кого не тайна) «негласныя внушенія», исправленія «въ обходъ закона» и просто «истязанія въ участкахъ», о чемъ до сихъ поръ оповѣщаютъ насъ газетныя хроники. Правда, многое представляется иногда оппозиціонной печатью въ нѣсколько преувеличенномъ видѣ, многое немедленно-же влечетъ соотвѣтствующее эксцессы власти внушеніе правящихъ сферъ (преданіе суду, увольненіе отъ должности и т. д.), — но отъ этого обывателю, рискующему ежедневно столкнуться съ «начальствомъ», слишкомъ преданнымъ заветамъ старины и часто мнящимъ, что служебное рвеніе все оправдываетъ, а въ особенности «строгость» относительно «крамольниковъ», — разумѣется не легче.

Продолжается еще «ученье» рѣсменниковъ, подстегиванье новобранцевъ на ученьѣ въ кавалерійскихъ полкахъ, линейки въ церковно-приходскихъ школахъ и, наконецъ, тѣ «строгости» въ отношеніи родныхъ дѣтей, отъ которыхъ содрогнешься, читая протоколъ «О-ва защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія».

Вотъ эти-то все продолжающіяся «наказанія—истязанія», не дающія возможности дописать послѣднюю страницу исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи, и придаютъ этой исторіи не только научно-историческій, но и вполне современно-практическій интересъ.

Считать эти наказанія совершенно отвергнутыми теоретически тоже нельзя. — Въ то время, какъ большинство ученыхъ сходится въ томъ, что тѣлесныя наказанія не соотвѣтствуютъ умственному и нравственному развитію современнаго общества, олицетворяя грубую силу, развращающую и наказующихъ и наказуемыхъ, нѣсколько не устрашаютъ преступный элементъ общества и неравнобѣрны въ дѣйствіи, вліяя на преступниковъ каждый разъ различно, соотвѣтственно индивидуальнымъ особенностямъ наказываемыхъ, — знаменитый проф. Листъ высказывавъ

убѣжденіе, что едва-ли можно обойтись безъ тѣлеснаго наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда, напр., приходится наказывать неисправимыхъ преступниковъ или несовершеннолѣтнихъ, чувствующихъ боль наказанія, но не его позорность; Шопенгауэръ-же рассуждаетъ еще прямолинейнѣе: «Я не могу не порицать—говоритъ онъ въ «Афоризмахъ житейской мудрости»—тѣ правительства и законодательныя учрежденія, которыя потворствуютъ стремленію отмѣнить тѣлесныя наказанія какъ для штатскихъ, такъ и для военныхъ. Они думаютъ при этомъ, что дѣйствуютъ въ интересахъ гуманности; на самомъ-же дѣлѣ какъ разъ наоборотъ: этимъ путемъ лишь утверждается противоестественное и пагубное безуміе, поглотившее уже столько жертвъ. При всѣхъ проступкахъ, за исключеніемъ тягчайшихъ, прежде всего приходитъ въ голову, а потому и естественнѣе всего—побить виновнаго; кто не слушалъ доводовъ, тотъ покорится ударамъ; умѣренно побить того, кого нельзя наказать ни лишеніемъ имущества, котораго у него не имѣется, ни лишеніемъ свободы—ибо нужна его работа—это и справедливо и естественно». Противъ этого можно возражать лишь пустыми фразами о человѣческомъ достоинствѣ, опирающимися не на точныя понятія, а опять-же на предразсудокъ», подобный,—по мнѣнію Шопенгауэра,—напр., дуэли, вывести которую великій философъ проектируетъ въ тѣхъ же «Афоризмахъ» такимъ простымъ средствомъ: «какъ вызвавшему, такъ и принявшему вызовъ капралъ отсчитываетъ à la Chinois (т. е. пониже спины) среди бѣла дня и на открытомъ мѣстѣ 12 палочныхъ ударовъ, секундантамъ-же и посредникамъ—по 6». Такое средство Шопенгауэръ, тутъ-же речаясь за его успѣхъ, признаетъ «очень мягкимъ и гомеопатичнымъ». И «современное состояніе вопроса о тѣлесныхъ наказаніяхъ на западѣ,—говоритъ А. Г. Тимофеевъ, авторъ «Исторіи тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ»—представляетъ (наканунѣ XX-го вѣка).... кое-какіе тревожные симптомы, говорящіе о желаніи нѣкоторыхъ возвратиться на давно пройденную дорогу»; и хотя А. Г. Тимофеевъ констатируетъ, что «эти желанія захватываютъ лишь небольшое число публицистовъ опредѣленнаго отгѣнка», «движеніе это не глубоко, и все прошлое тѣлесныхъ наказаній громко свидѣтельствуетъ, что они не могутъ вернуться, потому что нѣтъ болѣе и не будетъ условій, поддерживавшихъ ихъ существованіе прежде», однако въ XX-мъ вѣкѣ плети и хлысты начинаютъ снова процвѣтать въ такихъ культурныхъ странахъ, какъ Англія, Данія, Америка (не только Южная, гдѣ рабовладѣльческіе инстинкты все время даютъ знать о себѣ на плантаціяхъ, но и Сѣверная, какъ напр. въ штатѣ Делавари). Что касается Россіи, то въ административныхъ сферахъ еще совсѣмъ недавно были въ самомъ разгарѣ дебаты о введеніи практикуемой въ Лондонѣ девятихвостки для хулигановъ—рседивистовъ, М. О. Меншиковъ въ одномъ

изъ фелетоновъ, нашего полу-офиціоза разоткровенничался до панегирика розогъ, формально — правые органы печати.... — о нихъ и говорить не стоитъ.

Конечно, возможна теорія и теорія. Характеристику-же нашихъ разголюбовъ-теоретиковъ далъ еще покойный Щедринъ-Салтыковъ, и отъ нея поистинѣ не поздоровится! — «Когда я былъ въ школѣ — пишетъ Салтыковъ, — то въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ еще весьма часто упоминалось слово: «кнутъ». Профессоръ уголовного права такъ или иначе долженъ былъ встрѣтиться съ нимъ на кафедрѣ. И что-же! Выискался профессоръ, который не только не проглотилъ этого слова, не только не подавился имъ въ виду десятковъ юношей, внимавшихъ ему, не только не выразился хоть такъ: Какъ дескать ни печально такое орудіе, но при извѣстныхъ формахъ общежитія представляется затруднительнымъ обойти его, а прямо и внятно повѣствовало, что кнутъ есть одна изъ формъ, въ которыхъ идея правды и справедливости находитъ себѣ наиболѣе приличное осуществленіе. Мало того, онъ утверждалъ, что самая злая воля преступника требуетъ воздаянія именно въ видѣ кнута. Но прошли времена, и кнутъ былъ замѣненъ трехвостною плетью. Настъ, школяровъ, интересовало, прольстятъ-ли слезу буквоѣдъ на могилѣ кнута или воткнутъ осиновый колъ. Оказалось, что онъ воткнулъ колъ. Цѣлую лекцію онъ сквернословилъ предъ нами, говоря, какъ скорбѣла идея высшей правды, когда она осуществлялась въ формѣ кнута и какъ она ликуетъ теперь, когда, съ изволенія выпняго начальства, ей предоставлено осуществляться въ формѣ трехвостной плети, съ соответствующимъ угроженіемъ. Онъ говорилъ и его не тошнило, а мы слушали и настъ тоже не тошнило!... Кто-же однако бросить въ него камень за выказанную имъ научную сноровитость? Развѣ отъ него требовалось, чтобы онъ стоялъ на дорогѣ со свѣточемъ въ рукахъ? Нѣтъ, отъ него требовалось одно: чтобы онъ *подыскалъ обстановку для истины, уже утвержденной и официально признанной таковою*».

Слова М. Е. Щедрина-Салтыкова очевидно забыты, такъ какъ нѣкоторые изъ «прозорливыхъ» уже бормочутъ, глядя въ даль, о грядущей переоцннкѣ цѣнности тѣлесныхъ наказаній....

Это положеніе *in pendente* вопроса о необходимости примѣненія поворящихъ и унижающихъ человѣческое достоинство тѣлесныхъ наказаній придаетъ особо острый интересъ всей исторіи этихъ наказаній, якобы исчезающихъ, по увѣренію ученыхъ, когда государственнй строй становится правовымъ, исторіи, которой, по словамъ того-же А. Тимофеева, такъ ясно доказывается, «что они, составляя неизбежное явленіе на извѣстномъ уровнѣ культуры, осуждены на вымирание въ цивилизованныхъ государствахъ, законы которыхъ равно охраняютъ лич-